

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

Научная статья / Research article

Споры вокруг дозволенности курения табака среди улемского сообщества османской Сирии

Н.Р. Краюшкин

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
kranr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется история табакокурения в Великой Сирии XVII – середины XVIII столетий. Потребление тютюна, завезенного европейскими купцами в Османскую империю из Нового света, стало быстро распространяться среди различных групп общества, включая женщин и детей. Популярность новой привычки вызвала настороженное отношение со стороны османских богословов из турецкого движения кадизадели. В середине XVII в. им удалось добиться значительного влияния на двор султана и запретить на некоторое время курение табака в Османской империи. Однако после инициированной кадизаделитами неудачной военной кампании турок под Веной 1683 г. ханафитские «пуритане» ислама были изгнаны из столицы. На этот раз в качестве одного из главных оплотов движения они избрали Великую Сирию. В Дамаске вопрос о правомерности курения табака с точки зрения норм исламского права защищали суфии под предводительством сирийского мистика ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси. В итоге споров кадизаделиты потеряли свое влияние в Сирии, что отчасти способствовало дальнейшему неприятию жителями региона другого движения «пуританского» характера в исламе, которое возглавил Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб.

Ключевые слова: кадизадели, ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси, Османская империя, Великая Сирия, табакокурение, улемский корпус

История статьи: Поступила в редакцию: 03.07.2021. Принята к публикации: 06.08.2021.

Для цитирования: Краюшкин Н.Р. Споры вокруг дозволенности курения табака среди улемского сообщества османской Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 363–373. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

© Краюшкин Н.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Disputes over the permissibility of tobacco smoking among the ulama of Ottoman Syria

N.R. Krayushkin

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences,
12/1 Rozhdestvenka street, Moscow, Russian Federation, 107031
kranr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the history of tobacco smoking in Great Syria of the 17th – mid-18th centuries. The consumption of tobacco, brought to the Ottoman Empire by European merchants from the New World, began to spread rapidly among various groups of society, including women and children. The popularity of the new habit caused a wary attitude to it of the Ottoman theologians from the Turkish Kadizadeli movement. In the middle of the 17th century, they managed to achieve significant influence on the sultan’s court and banned tobacco smoking in the Ottoman Empire for a while. However, after the unsuccessful military campaign of the Turks initiated by the Kadizadeli near Vienna in 1683, the Hanafi “Puritans” of Islam were expelled from the capital. This time, they chose Greater Syria as one of the main strongholds of the movement. In Damascus, the question of the legality of tobacco smoking from the point of view of the norms of Islamic law was defended by Sufis under the leadership of the Syrian mystic ‘Abd al-Ghani al-Nablusi. As a result of the disputes, the Kadizadeli lost their influence in Syria, which partly contributed to the further rejection by the inhabitants of the region of another “Puritanical” movement in Islam, led by Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab.

Key words: kadizadeli, ‘Abd al-Ghani al-Nablusi, Ottoman Empire, Greater Syria, tobacco smoking, Syrian ulama

Article history: Received: 03.07.2021 Accepted: 06.08.2021.

For citation: Krayushkin NR. Disputes over the permissibility of tobacco smoking among the ulama of Ottoman Syria. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):363–373. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

15 сентября 1633 г. (12 *раби ‘-л-аввал* 1043 г. по мусульманскому лунному календарю) в стамбульских районах Галата и Пера (совр. Бейоглу) вспыхнул неистовый огонь, уничтоживший до пятой части города (до 20 тыс. домов) [1. Р. 290]. Это событие вызвало глубокое возмущение среди различных слоев населения. Пожары не были редкостью для жителей османской столицы, однако на этот раз ответственность за возгорание сильного пламени была возложена на курильщиков табака. Их вина якобы заключалась в том, что вместо того, чтобы встречать в мечетях один из главных мусульманских праздников, день рождения пророка Мухаммада (*мавлид*), они проводили время, пируя в кофейнях (*маках*). На следующий день молодой султан Мурат IV (ему был тогда 21 год) подписал указ (*фирман*) о полном запрещении в Османской империи практики потребления табака и о закрытии всех кофеен. За употребление табака курильщикам отрезали губы, а тем, кто пользовался нюхательными смесями (*са ‘ут*), отсекали носы [2. С. 13, 67]. Для злостных нарушителей этого эдикта предусматривалось наказание смертной казнью. Незадолго до этого кофе и табак несколько раз официально запрещали

султаны Мурат III (1574–1595 гг.) и Ахмет I (1603–1617 гг.), хотя их указы не соблюдались и были отменены еще при их жизни. Эдикт Мурата IV, напротив, действовал до самой его смерти. Этот факт может быть во многом объяснен антитабачными настроениями, вызванными пожаром, разыгравшимся во время масштабных религиозных празднований.

Как правило, в честь дня рождения пророка Мухаммада жители городов и сел Османской империи совершали паломничество в близлежащие крупные религиозные центры. Празднество сопровождалось ярмарками, которые посещали купцы, пилигримы, фигляры и бродячие рассказчики. Главными событиями народных гуляний становились совместная ночная молитва *'иша'*, которой руководили представители местной религиозной элиты (*'илмийе'*), а также процессии и представления, организовывавшиеся членами суфийских братств. Празднества оканчивались проведением радений (*сама'*) и чтением под музыку стихов в честь дня рождения Мухаммада (*мавлид ан-наби*). Автором одного из первых маулидов стал халватийский шейх Сулайман Челеби (ум. в 1421 г.), придворный имам османского султана Байазита I (1389–1402 гг.). Таким образом, с момента зарождения этого праздника в начале X в. [3. С. 340–341] и вплоть до его окончательного официального установления в 1588 г. османским султаном Муратом III помпезную церемонию всегда сопровождал скромный праздник простых людей, полный искреннего благочестия в сочетании с народным воодушевлением и восторгом [4. С. 169]. Сильный пожар, разгоревшийся в Стамбуле в день торжеств из-за, как считалось, злоупотребления табаком, взбудоражил умонастроения жителей османской столицы.

Появление табака на Ближнем Востоке

Опираясь на трактат своего учителя – шафиитского муфтия Дамаска Наджм ад-Дина ал-Газзи (ум. в 1651 г.), сирийский богослов 'Абд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731) писал о том, что табак попал в мусульманский мир в конце X в. по хиджре (1590-е гг.), когда «англичане» (*инклиз*) впервые завезли его в страны Магриба. Из того же источника следует, что в Сирии тютюн появился позднее – в 1015 г. (1606/07 г.), а затем к 1020 г. (1611/12 г.) он получил распространение в Египте [2. С. 33; 5. С. 26]. Несмотря на эти свидетельства, точная датировка появления табака на той или иной территории арабского мира затруднительна. Согласно последним археологическим данным, табакокурение распространилось в Османской империи по двум основным путям: из Европы и из Западной Африки. В частности, вывод об африканском происхождении может быть сделан на основе сходства между курительными трубками двух регионов [6. Р. 149–151].

Тютюн, завезенный европейскими купцами в Османскую империю из Нового света, получил широкое распространение на Ближнем Востоке. Вследствие относительно быстрого роста потребительского спроса на табак в османском обществе наладилось производство собственных курительных смесей, особенно на черноморском побережье Малой Азии и вокруг Латакии

в Сирии. Серьезную конкуренцию турецкому тютюну создавал персидский табак, покупкой и перепродажей которых занималась отдельная группа мусульманских купцов – *тютюнджи*. Одним из центров их предпринимательской деятельности был построенный в Дамаске караван-сарай «Хан ат-тютюн», бесперебойно снабжавший табаком жителей Великой Сирии.

Популярность тютюна среди различных слоев населения объяснялась, прежде всего, дешевизной курительных смесей. Так, на всем протяжении XVIII века в Сирии цена за один *ратл* (1,85 кг) [7. С. 36] табака не поднималась выше 1,5 пиастра, тогда как за порцию кофе такого же веса платили от 3 до 6,5 пиастров [8. Р. 138–139, 151]. По воспоминаниям турецкого путешественника Эвлия Челеби (ум. ок. 1682 г.), один *ратл* тютюна можно было обменять в 1670-е годы на пути сирийского и египетского караванов паломников на 4–5 бурдюков питьевой воды [9. Р. 351]. За самую простую курительную трубку из обожженной глины или из плотных пород древесины необходимо было заплатить небольшую сумму в 1–2 пиастра. Вместе с тем различные типы кальянов (*хука*, *наргиле*, *шише*) могли позволить себе только представители наиболее обеспеченных слоев османского общества. Рядовые жители Великой Сирии предпочитали ходить в кофейни для того, чтобы воспользоваться более сложными приборами для курения табачных смесей с добавлением сладких сиропов или опиума. В отличие от Европы XVII–XVIII вв. нюхательный или жевательный табак (*снафф*) получил значительно меньшее распространение на Ближнем Востоке.

Исходя из доступных данных, оценить общее количество курильщиков в рассматриваемое время практически невозможно. Тем не менее анализ воспоминаний османских авторов и их европейских современников позволяет получить общее впечатление о широкой распространенности этой привычки среди различных групп населения. В частности, для описания уровня развития культуры табакокурения в Османской империи ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси отмечал в 1682 г.: «Тютюн стал чрезвычайно известным во всех уголках мира ислама ... Люди самого разного происхождения употребляют табак на рынках и дома: те, которые известны своим благочестием (т. е. суфии); муфтии, судьи, учителя и студенты; военачальники, имамы, проповедники, муэдзины, наместники городов и, наконец, простые люди (*амма*), солдаты и рабы ... Однажды я видел даже курящих на улице пятилетних детей» [2. С. 32].

В 1749 г. современник ан-Наблуси цирюльник Ахмад ал-Будайри отмечал, что к середине XVIII в. «курение стало одним из самых страшных бедствий в Дамаске» [10. С. 140]. «Мужчины, женщины и даже девочки не раз пробовали тютюн», – ужасался он. Более того, однажды во время прогулки у речушки Барада ал-Будайри заметил группу женщин, которые «так же, как и мужчины», ели, пили кофе и курили трубки на людях. Употребление табака в публичных местах ставило под сомнение многие общепринятые нормы морали и основу социальных отношений, базировавшихся на традиционных ценностях исламской религии. По словам современного американского исследователя Джеймса Грехема, появление табака и кофе произвело настоящий переворот в повседневной жизни Османской империи, особенно в

области получения удовольствия [8. Р. 154–155]. Местным властям и мусульманскому ученому сообществу нужно было теперь найти новые подходы к определению дозволенных с точки зрения норм исламского религиозного закона способов проведения досуга.

Споры вокруг дозволенности курения

Сразу после появления тютюн был запрещен в различных частях мусульманского мира. На первых порах в качестве особо непримиримых противников табакокурения выступил ряд маликитских и ханафитских законовевдов. В Хиджазе ханафитские ученые Мекки и Медины несколько раз подписывали фетвы о запрете курения в ответ на проповеди йеменского суфия Ибн ас-Сакафа (ум. в 1635 г.) [11. С. 136]. Кроме того, еще в первой четверти XVII в. маликитский муфтий Каира Ибрахим ал-Лакани (ум. в 1631 г.) подписал *фетву* о запрете употребления табака. С каирским ученым не согласились многие шафииты, в том числе муфтий Каира ‘Али ал-Халаби аш-Шафи‘и (ум. в 1635 г.), а также суфийские подвижники Магриба. Малийский «святой» (*вали*) Ахмад Баба ал-Малики вступил в полемику с каирским муфтием, а после того, как тот перестал отвечать на его письма, проклял египетского законоведа [12. С. 429].

В отличие от Магриба, Египта и Хиджаза обострение борьбы за «чистоту нравов» в османской Сирии было связано главным образом с деятельностью мусульманских богословов из стамбульского движения кадизадели (*тур. Kadizadeliler*), названных так позднее в честь одного из их самых активных лидеров – османского проповедника Кадизаде («Сына кади») Мехмета-эфенди (ум. в 1635 г.). Представители этого течения считали курение непозволительным «нововведением» (*бид‘а*), которое должно было подлежать немедленному запрету. Вступив в полемику с главными защитниками табака – суфиями, кадизаделиты в качестве основного аргумента приводили слова пророка Мухаммада. В частности, они вспоминали хадис, в котором утверждалось, что благочестивый мусульманин не должен ничего выпивать разом, «как верблюд», но разделять питье на два или три приема (ат-Тирмизи, 1885) (1). В свою очередь, в трактате «Путь Мухаммада» («ат-Тарика ал-мухаммадийя») одного из идейных вдохновителей кадизаделитского движения ханафитского имама Биргиви (ум. в 1573 г.) отмечалось, что Пророк призывал не дуть на напиток, как это делают язычники, и принимать пищу дома, чтобы не искушать полуголодных нищих на улице [13. Р. 302]. По мнению имама Биргиви, любое «нововведение» следовало признать пагубными, если оно не согласовывалось с утвержденными в Коране и сунне моральными принципами, а также не было единогласно принято мусульманскими богословами (*иджма‘*) [13. Р. 73–74]. Современный американский исследователь Майкл Кук, давая оценку спорам вокруг курения табака, утверждал, что свои взгляды по отношению к неблагочестивым верующим Мехмет-эфенди высказывал «ревностно, почти фанатично .., в противоположность господствующей в ханафитском мазхабе атмосфере согласия» [14. Р. 324–325]. Схожей позиции

придерживался и историк М.Д. Баер, отметивший что до Биргиви «запрещение предосудительного» и принуждение придерживаться определенных правил не было характерно для османского ханафизма [15. Р. 65] (2).

Радикально настроенные против курения табака кадизаделиты добились высокого положения при дворе молодого султана Мурата IV (1623–1640 гг.) и вскоре склонили его к принятию указа (*фирмана*) о закрытии кофеен, а также некоторых суфийских братств в центральных провинциях империи. За публичное употребление тютюна теперь полагалась смертная казнь. При этом, согласно воспоминаниям османского историка Катиб-челеби (ум. в 1657 г.), курение в стенах собственного дома считалось позволительным [16. Р. 52]. Тем не менее после смерти Мурата IV *шейх-уль-ислам* Баха'и-эфенди (1649–1651, 1652–1654 гг.) отменил указ, после чего местные власти ввели высокую пошлину на продажу табака в Стамбуле. Налог в 20 пиастров за *окку* (1,28 кг) [7. С. 33] тютюна позволял пополнить казну на 100 млн акче в год. Такая политика привела к существенному росту цен на табачные изделия в центральных провинциях, что, однако, не смогло помочь снизить спрос на тютюн. Популярность табакокурения достигла таких масштабов, что деятельность представителей движения кадизадели в Стамбуле, направленная на запрет табака и кофе, уже не могла увенчаться успехом. Последним ударом по их популярности стала инициированная кадизаделитами неудачная военная кампания под Веной, после которой в 1683 г. ханафитские «пуритане» ислама были изгнаны из столицы.

Борьба с кадизаделитами в Сирии

Несмотря на поражение движения кадизаделитов в Стамбуле, развитая система интеллектуального и культурного обмена в среде мусульманских богословов позволила идеям Кадизаде достаточно быстро распространиться по исламскому миру. Теперь одним из оплотов турецких «пуритан» ислама стала Великая Сирия, где под влиянием ригористических представлений употребление табака попадало под запрет в 1699 и 1749 гг. Кадизаделиты долгое время занимали ряд важных постов в Дамаске. К примеру, ярый противник табакокурения будущий *шейх-уль-ислам* 'Ата Алла-эфенди в 1690-е годы несколько раз становился главным судьей (*кади ал-кудат*) сирийской столицы, подчиняясь только наместнику (*вали*) провинции. Взгляды 'Ата Алла-эфенди нашли острое неприятие у 'Абд ал-Гани ан-Наблуси. Дамасский суфий посвятил критике деятельности главного судьи Дамаска отдельный трактат, получивший грозное название «Прочно вошедшее острие в выю кади 'Ата Алла» («ас-Сайф ал-мади фи 'унк 'Ата Алла ал-кади»). Эта полемика стоила ан-Наблуси в 1713 г. увольнения из дамасской школы ас-Салимийя. По-видимому, в том числе для того, чтобы уберечься от деятельности османского судьи, ан-Наблуси совершил незадолго до этого четыре путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу, во время которых он стремился распространить среди местного населения истинное, по его мнению, понимание ислама.

Анализ трактатов ‘Абд ал-Гани, содержащих описание его странствий, позволяет заключить, что, хотя проблема допустимости с точки зрения норм мусульманского закона употребления табака и кофе обсуждалась всего в 1–2% от общего количества бесед, этот вопрос продолжал будоражить умы разных слоев населения. Так, в 1693 г. в Сайде в беседе с османским делопроизводителем (*катиб*) Лутфи-челеби ан-Наблуси обсуждал стихи богослова Камал-эфенди, который считал курение недозволительным «новшеством», призванным «завлечь всех мусульман в адское пекло» [12. С. 94]. Основываясь на том, что эту практику распространили «неверные» (*куффар*), он настаивал на запрете курения. Несмотря на то, что в трактатах ‘Абд ал-Гани не осталось указаний на то, какую позицию по данному вопросу занимал его собеседник, очевидно, что тема имела принципиальное значение для Лутфи-челеби, так как этот вопрос был единственным предметом их разговора.

Дамасский суфий обсуждал и другие стихи турецких противников табакокурения, в которых утверждалось, что курильщики – это невежественные «еретики» (*занадик*), подобно суфиям считавшие, будто в табаке «скрыта божественная тайна» [12. С. 105]. В частности, эта тема поднималась в Наблусе с саййидом Хасаном [17. С. 235] и в Иерусалиме с неким маликитским богословом Мусой из Магриба [12. С. 104–105]. Последний был слушателем (*муджавир*) в иерусалимской школе ал-мадраса ал-кадирийя и, скорее всего, принадлежал к этому суфийскому братству [17. С. 207; 18. С. 936].

Отдельно стоит отметить, что ан-Наблуси стремился найти точки соприкосновения в спорах с турецкими богословами. Так, в трактате 1682 г., посвященном проблеме курения, он делал акцент на том, что тоже стремится «сохранить чистоту религиозного закона» (*мухафаза ‘ала ахкам аш-шари‘а ал-мутаххира*) [2. С. 5]. Кроме того, дамасский богослов отмечал, что его позиция в полемике не продиктована каким-либо личным пристрастием к табаку. Суфий впервые попробовал тютюн, лишь посетив известный своим табаком сирийский городок Джабла в возрасте пятидесяти двух лет (1693 г.) [2. С. 48; 12. С. 58–59].

С точки зрения ‘Абд ал-Гани, курение следовало считать *мубах* – дозволенным действием, которое напрямую не разрешается, но и не запрещается мусульманским законом. Богослов аргументировал свою позицию важностью намерения в любом поступке человека, что подкреплял хадисом «иннама ал-‘амал би-н-нийат» («воистину, нет действия без намерения») (Муслим, 1907). Дамасский суфий даже провел несколько лекций, посвященных этим словам пророка Мухаммада, в Иерусалиме и Рамле в присутствии представителей разных слоев османского общества (*мин ал-хасс ва-л-‘амм*) [12. С. 132–133, 142].

Ан-Наблуси не оставил без ответа и заявления представителей движения кадизадели о неизбежном вреде табака для здоровья и рассудка человека. Согласно сирийскому богослову, подобные упреки были не чем иным, как проявлением «фанатизма» (*та‘ассуб*). Суфий приводил длинный список болезней, при которых курение могло иметь терапевтический эффект. В частности, тютюн использовался как анальгетик, а также для снятия заложенности носа и ушей [2. С. 51–52]. Употребление табака в медицинских

целях действительно не было редкостью во времена ‘Абд ал-Гани. Так, ханбалитский ученый Хасан ат-Таббах (ум. в 1728 г.) из Алеппо, изначально рьяный критик курения, которого возмущало употребление студентами табака на занятиях, изменил точку зрения после того, как врач прописал ему тютюн в качестве болеутоляющего [19. С. 32].

Этот аргумент ан-Наблуси использовал и во время обсуждения вопроса с главным ага (*ага ал-кабби*) Триполи Мустафа-агой. Кроме того, дамаский суфий привел в пример *фетву* авторитетного каирского богослова ‘Али ал-Халаби аш-Шафи‘и (ум. в 1635 г.). Согласно аш-Шафи‘и, «дозволенное (*халал*) не запрещают .., потому как запрещенное (*харам*) подтверждается тем вредом, которое оно причиняет телу (*бадан*) и разуму (‘*акл*) каждого человека [без исключения]» [20. С. 79]. По этой причине каирский богослов приходил к выводу о том, что у мусульманских ученых не было достаточных оснований для запрета табакокурения [20. С. 79–81].

Заключение

Таким образом, осуждая курение, наиболее настойчивые противники этой практики связывали пагубное влияние табака с деятельностью христианских торговцев. Если кофе тоже считалось недозволенным «нововведением», то, по их мнению, оно хотя бы зародилось в мире ислама, в то время как табак попал в Османскую империю из других стран. Среди такого рода критиков особенно выделялся муфтий ал-Лакани, который считал распространение табакокурения результатом некоего христианского заговора против ислама. Он предостерегал верующих, что европейские купцы могли даже вымачивать листья табака в свином жире или вине, чтобы заставить мусульман невольно нарушить религиозные запреты.

Тем не менее чисто религиозный фактор был не единственным предметом беспокойства богословов и местных властей. Времяпрепровождение за курением и распитием кофе осуждалось еще и из страха перед расшатыванием общественных устоев и, как следствие, нестабильности в социуме. В кофейнях часто собирались и вели беседы не только мусульманские ученые, судьи и учителя, но также и османские янычары, что до определенной степени размывало иерархические границы между различными группами населения. Особое возмущение даже у немусульманских богословов вызывало то, что в общественных местах наравне с мужчинами стали курить и пить кофе женщины. Так на просторах Великой Сирии и других областей Османской империи еще до начала европейского колониального проникновения происходила постепенное обновление повседневной жизни региона, базировавшееся преимущественно на принципах мусульманской религии.

Вместе с тем у табакокурения были и свои сторонники, в особенности среди суфиев. ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси отвергал аргументацию турецких противников тютюна, ссылавшихся на то, что он завозился из «неверной» Европы». Согласно дамаскому богослову, объявлять обычай предосудительным было нельзя, если они прямо не шли вразрез с религиозными нормами

[2. С. 85]. Дамасский мистик подчеркивал, что на протяжении истории многие подобные новшества не запрещались. Так, употребление в быту различных растений (таких как ладан и др.) суфий считал *мубах* – дозволенным действием [2. С. 135]. Интересно отметить, что, при всей полемике вокруг табака применение изменяющих состояние сознания наркотических веществ, таких как гашиш или опиум, не вызывало возмущения у османских авторов XVII в. Такое отношение, вероятно, было связано с долгой историей употребления опиатов на Ближнем Востоке. ‘Абд ал-Гани, в свою очередь, считал позволительным использование такого рода препаратов для утоления сильной боли [8. Р. 153] или в случае, когда резкая отмена могла нести угрозу для жизни человека [2. С. 39]. Отвечая на критику кадизаделитов, считавших табак опасным для здоровья, дамасский суфий приводил обширный список примеров медикаментозного применения тютюна и обвинял в «фанатизме» (*та ‘ассуб*) тех, кто закрывал глаза на потенциальную пользу вещества.

Привычка к применению табака так сильно укоренилась в обществе, что сыграла не последнюю роль в борьбе за влияние между различными религиозными движениями. Так, радикальное неприятие кадизаделитами табакокурения стало одним из основных факторов, обусловивших потерю их влияния в Сирии в первой половине XVIII в. Более того, история до определенной степени повторилась и чуть позже, когда ваххабиты также не смогли утвердиться на этой территории. Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб (ум. в 1791 г.), связанный по линии ученической преемственности с кадизаделитами, был таким же рьяным противником употребления кофе и табака, что тоже вызвало отторжение местного населения.

Примечания

- (1) Напомним, что в эту эпоху считалось, что табак пьют, а не курят.
- (2) Тем не менее критика суфизма в ханафитской ученой среде велась и ранее. Среди самых авторитетных авторов, оспаривавших дозволенность суфийских представлений, были Молла Араб Мехмет (ум. в 1531 г.), Хафиз ад-Дин ал-Курдари ал-Баззази (ум. в 1424 г.) и ал-Паздави (ум. в 1089 г.) [1. Р. 269–278].

Библиографический список

- [1] *Curry J.* The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire: The Rise of the Halveti Order, 1350–1650. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
- [2] *Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани.* Ас-Сулх байн ал-ихван фи хукм ибахат ад-духан [Примирение между братьями в вопросе дозволенности курения табака]. Дамаск: Ни-нава ли-д-дираса ва-н-нашр, 2015.
- [3] *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996.
- [4] *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989.
- [5] *Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани.* Хуллат аз-захаб ал-ибриз фи рихлат Ба‘лабакк ва-ль-Бика‘ ал-‘азиз [Золотые одеяния о путешествии в Баальбек и священную долину Бекаа] [рукопись на арабском языке]. Режим доступа: <https://www.alukah.net/library/0/125052/> (дата обращения: 05.12.19).
- [6] *Baram Uzi.* Entangled Objects from the Palestinian Past: Archaeological Perspectives for the Ottoman Period, 1500–1900 // A Historical Archaeology of the Ottoman

- Empire: Breaking New Ground. New York: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 137–160.
- [7] *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М.: Наука, 1970.
- [8] *Grehan J.* *Everyday Life and Consumer Culture in 18th Century Damascus*. Seattle: University of Washington Press, 2007.
- [9] *An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi*. Transl. and comment. by Robert Dankoff and Sooyong Kim. London: Eland, 2011.
- [10] *Ал-Будайри Ахмад.* Хавадис Димашк ал-йавмийа [Ежедневные события Дамаска]. Каир, 1959.
- [11] *Ал-Мухибби Мухаммад Амин.* Хуласат ал-асар фи а'йан ал-карн ал-хади 'ашар [Жизнеописание благородных лиц одиннадцатого века по мусульманскому летоисчислению]. Т. 1. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2006.
- [12] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ал-Хакика вал-л-маджаз фи-р-рихла ила билад аш-Шам ва Миср вал-л-Хиджаз [Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу]. Ал-Кахира: Марказ Таусик ат-турас, ал-Хайа ал-мисриййа ал-'амма ли-л-китаб, 1986.
- [13] *Birgivi Imam.* *The Path of Muhammad (al-Tariqah al-Muhammadiyah): A Book on Islamic Morals and Ethics*. Bloomington: World Wisdom, 2005.
- [14] *Cook M.* *Commanding Right and Forbidding Wrong in Islamic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- [15] *Baer M.D.* *Honored by the Glory of Islam: Conversion and Conquest in Ottoman Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- [16] *Çelebi Kâtip, Hacı Halife.* *The Balance of Truth*. Trans. Geoffrey L. Lewis. London: George Allen and Unwin, 1957.
- [17] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ал-Хадра ал-унсиййа фи-р-рихла ал-кудсиййа [Дружеское сообщение о Иерусалимском путешествии]. Бейрут: ал-Масадер, 1990.
- [18] *Каххала 'Умар Руда.* Му'джем ал-му'алифин: тараджим мусаннифи ал-кутуб ал-'арабиййа [Биографический словарь арабских авторов]. Бейрут: Му'ассасат ар-рисала, 1993.
- [19] *Ал-Муради Халил.* Силк ад-дурар фи а'йан ал-карн ас-сани 'ашар [Жемчужный путь знатных лиц двенадцатого века]. Т. 2. Булак: ал-Матба'а ал-мисриййа ал-'амира би-Булак, 1884.
- [20] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ат-Тухфа ан-наблусиййа фи-р-рихла ат-тарабулусиййа [Наблусский подарок о триполийском путешествии]. Бейрут: Мактабат ас-сакафа ад-диниййа, б/г.

References

- [1] Curry J. *The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire: The Rise of the Halveti Order, 1350–1650*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010.
- [2] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Sulh bayn al-ihwan fi hukm ibahat al-duhan* [Reconciliation between brothers on the issue of the permissibility of tobacco smoking]. Damascus: Ninawa li-l-dirasa wa-l-nashr; 2015. (In Arab.).
- [3] Mez A. *Musulmanskii Renessans* [The Muslim Renaissance]. Moscow: ViM; 1996. (In Russ.).
- [4] Trimmingham JS. *Sufiiskie ordeni v islame* [The Sufi Orders in Islam]. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
- [5] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Hullat al-zahab al-ibriz fi rihlat Ba 'labakk va-l'-Bika' al-'aziz* [Golden robes of a trip to Baalbek and the sacred Bekaa Valley] (manuscript). Available from: <https://www.alukah.net/library/0/125052/> [Accessed 05.12.2019]. (In Arab.).

- [6] Baram Uzi. Entangled Objects from the Palestinian Past: Archaeological Perspectives for the Ottoman Period, 1500–1900. *A Historical Archaeology of the Ottoman Empire: Breaking New Ground*. New York: Kluwer Academic Publishers; 2002, p. 137–160.
- [7] Hinz W. *Musulmanskie mery i vesa s perevodom v metriceskuyu sistemu* [Muslim measures and weights with translation into the metric system]. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.).
- [8] Grehan J. *Everyday Life and Consumer Culture in 18th Century Damascus*. Seattle: University of Washington Press; 2007.
- [9] *An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi*. Transl. and comment. by Robert Dankoff and Sooyong Kim. London: Eland; 2011.
- [10] Al-Budairi Ahmad. *Hawadith Dimashk al-iawmiia* [Daily events of Damascus]. Kair; 1959. (In Arab.).
- [11] Al-Muhibbi Muhammad Amin. *Hulasat al-athar fi a'jan al-karn al-hadi 'ashar* [Biographies of noble persons of the 11th century according to the Muslim chronology]. Vol. 1. Beirut: Dar al-qutub al-'ilmiyya; 2006. (In Arab.).
- [12] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Haqiqa va-l-madhaz fi-l-rihla ila bilad al-Sham va Misr va-l-Hidhaz* [A reliable and imaginative description of a journey through Great Syria, Egypt and the Hejaz]. Cairo: Markaz Tausik al-turas, al-Haja al-misriia al-'amma li-l-kitab; 1986. (In Arab.).
- [13] Birgivi Imam. *The Path of Muhammad (al-Tariqah al-Muhammadiyah): A Book on Islamic Morals and Ethics*. Bloomington: World Wisdom; 2005.
- [14] Cook M. *Commanding Right and Forbidding Wrong in Islamic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004.
- [15] Baer MD. *Honored by the Glory of Islam: Conversion and Conquest in Ottoman Europe*. Oxford: Oxford University Press; 2008.
- [16] Çelebi Kâtip, Hacı Halife. *The Balance of Truth*. Trans. Geoffrey L. Lewis. London: George Allen and Unwin; 1957.
- [17] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Hadra al-unsiiia fi-l-rihla al-kudsiia* [A friendly message about the Jerusalem trip]. Beirut: al-Masader; 1990. (In Arab.).
- [18] Kahhala 'Umar Rida. *Mu'dzham al-mu'allifin: taradhim musannifi al-kutub al-'arabiia* [Biographical dictionary of Arabic authors]. Beirut: Mu'assasat al-risala; 1993. (In Arab.).
- [19] Al-Muradi Halil. *Silk ad-durar fi a'jan al-karn as-sani 'ashar* [The Pearl Way of the nobles of the 12th century]. Vol. 2. Bulak: al-Matba'a al-misriia al-'amira bi-Bulak; 1884. (In Arab.).
- [20] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Tuhfa al-nablusiia fi-l-rihla al-tarabulusiia* [The Nablus Gift of the trip to Tripoli]. Beirut: Maktabat al-thaqafa al-diniia, n/y. (In Arab.).

Информация об авторе:

Краюшкин Никита Романович – канд. истор. наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, e-mail: kranr@mail.ru

Information about the author:

Krayushkin Nikita Romanovich – PhD in History, Research Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: kranr@mail.ru